

УДК 398
ББК 82.3(2Рос=Рус)
Б43

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН (Протокол № 5 заседания
Ученого совета ФГБУН Института славяноведения РАН
от 27.06.2023)*

Рецензенты:

Г.П. Пилюпенко — кандидат филологических наук (Институт
славяноведения РАН, Москва);

Н.С. Петрова — кандидат филологических наук (Российский
государственный гуманитарный университет, Москва)

Белова О.В., Мороз А.Б., Ясинская М.В.

Слово устное и слово письменное в языке этнокультурного
пограничья / О.В. Белова, А.Б. Мороз, М.В. Ясинская. — М.:
Неолит, 2023. — 440 с.

ISBN 978-5-6046371-7-3

Коллективная монография посвящена описанию лингвокультурной
ситуации на русско-белорусско-украинском и восточнославянско-
польском пограничье, основным маркерам самоидентификации
местного населения (язык и конфессия), представлениям о «своем»
и «чужом» языке, восприятию языка этнических соседей, особен-
ностям функционирования литургического (церковнославянского) язы-
ка и паралитургических текстов в полиязычной среде, мемориальной
эпиграфике, в которой отразились языковые особенности «погранич-
ных» традиций, лексике и терминологии обрядов, бытующих на погра-
ничье культур. В книгу вошли материалы многолетних полевых иссле-
дований, проведенных в Смоленской, Брянской и Псковской областях
Российской Федерации, в Витебской, Могилёвской, Гродненской обла-
стях Республики Беларусь, в Подляском воеводстве Республики Польша,
а также в регионах Украины (Подолия, Галиция, Буковина) и Мол-
довы (Бессарабия), где соседство славян с неславянскими народами
имеет длительную историю. Значительную долю материалов состави-
ли данные из архивных источников XIX–XXI вв.

УДК 398
ББК 82.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-6046371-7-3

© Белова О.В., Мороз А.Б.,
Ясинская М.В., 2023
© Издательский дом «Неолит», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов | *О.В. Белова, А.Б. Мороз, М.В. Ясинская* 5

Часть 1. Язык пограничья как средство коммуникации и стереотипизации

Человек в системе языковых
и этнокультурных стереотипов | *О.В. Белова* 14
Этнолингвистический аспект восприятия
«чужого» языка в народной культуре
славян | *О.В. Белова* 67
Освоение пространства языка:
между «своим» и «чужим» | *О.В. Белова* 81

Часть 2. Сакральный язык — литургический язык. Письменное и устное бытование

Паралитургическая рукописная традиция
в современном фольклоре конфессионального
пограничья | *А.Б. Мороз* 103
«Отчим наш» и «хлеб насущный».
Церковнославянский язык в фольклорных текстах:
глоссолалия или герменевтика? | *А.Б. Мороз* 125
«Святой» язык и разговорная стихия:
религиозная лексика в славянских фольклорных
и фольклоризованных текстах | *О.В. Белова* 136
Словари «народного языка»
русско-белорусского пограничья: по материалам
из Государственного архива Смоленской области
(начало XX в.) | *О.В. Белова* 164

Часть 3. Вербальный и акциональный код обрядового текста

Обряд «Свеча» и его версии: лексика, грамматика,
прагматика | *О.В. Белова, А.Б. Мороз* 179

Ушестье и авдотки в контексте смоленского городского нарратива и традиционной обрядности <i>О.В. Белова</i>	254
Заметки о восточнославянских календарных запретах: почему в Ильин день олень портит воду <i>А.Б. Мороз</i>	271
Мифологическая лексика в локальной перспективе: о «точечных» сюжетах русско-белорусского пограничья <i>О.В. Белова</i>	285
Часть 4. Письменное слово и коллективная память	
Мемориальная эпиграфика польско-белорусского пограничья: коллективная память и практики коммеморации <i>О.В. Белова, А.Б. Мороз, М.В. Ясинская</i>	299
Кириллица как маркер этноконфессиональной идентичности (на примере восточнославянской православной традиции Подляшья) <i>О.В. Белова, М.В. Ясинская</i>	317
Аббревиатуры и формулы в мемориальной эпиграфике Подляского воеводства <i>О.В. Белова, М.В. Ясинская</i>	329
Антропонимия и топонимия в мемориальной эпиграфике Подляшья <i>О.В. Белова, М.В. Ясинская</i>	361
Приложение. «Колись така́я гвѣзда была́ з лихтарáми...»	384
Библиография	404
Список сокращений	431
Список информантов	432

ОТ АВТОРОВ

Коллективная монография посвящена описанию лингвокультурной ситуации регионов, находящихся на русско-белорусско-украинском, белорусско-польском и украинско-польском пограничье, основным маркерам самоидентификации местного населения (язык и конфессия), представлениям о «своем» и «чужом» языке, восприятию и освоению языка этнических соседей, принципам языковой и культурной коммуникации, механизмам освоения соседних языковых традиций, особенностям функционирования литургического (церковнославянского) языка и паралитургических текстов в полиязычной среде, мемориальной эпиграфике, в которой отразились языковые особенности «пограничных» традиций, лексике и терминологии обрядов, бытующих на пограничье культур.

В книгу вошли материалы полевых исследований, проведенных в 2004–2022 гг. в Смоленской, Псковской и Брянской областях Российской Федерации, в Витебской, Могилёвской, Гродненской областях Республики Беларусь, в Подляском воеводстве Республики Польша, в Винницкой, Черновицкой, Ивано-Франковской областях Украины, на территории Бессарабии (Молдова), а также материалы из архивных источников XIX–XXI вв. из фондов Государственного архива Смоленской области и Архива Литературного музея Смоленского государственного университета, Архива Лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета (Москва), Фольклорного архива Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), Архива Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск). Значительная часть работы была выполнена в рамках серии международных российско-белорусских проектов по изучению языка и культуры пограничных регионов России и Республики Беларусь в 2011–2017 гг. (подробнее о проектах, их целях и задачах см.: Фольклор и язык русско-белорусского пограничья // <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/pogranichje/about.htm>).

В последние годы значительно возрос интерес исследователей к языковым, этнокультурным и этноконфессиональным процессам, характерным для «пограничных» регионов, к тенденциям трансформации языковых и ментальных стереотипов, отражающих опыт многовекового соседства, к ментальности фронта и выражающим ее языковыми средствами, языковому аспекту взаимодействия инокультурных традиций. Разным контактным зонам, где осуществляется взаимодействие нескольких языков, культур, конфессий, структуре «пограничных» регионов, лингво- и социокультурным процессам, которые происходили и происходят сейчас в этих регионах, проблемам языковых и культурных границ, соотношению центра и периферии в ментальной проекции посвящены специальные исследования [Pogranicza etniczne w Europie 2001; Smułkowa 2002; Белорусско-русское пограничье 2005; Лабынцев, Щавинская 2009; Braślawszczyzna 2009, 2011; Белова 2013д; Kulturowo-językowe dziedzictwo Podlasia 2016; Centrum a peryferie 2016; Мороз 2018; Русский язык и народная традиция старообрядцев зарубежья 2019; Граница 2020; Кончевска 2021; «Петух на три области поёт...» 2022].

Как отмечают специалисты, научные разыскания на пограничных территориях «требуют от исследователя владения понятиями лингвистического дискурса из области ареальной лингвистики, диалектологии, культурной лингвистики и социолингвистики» [Кончевска 2021: 76]. Именно с применением комплексной междисциплинарной методики анализируется языковой фонд конкретных поликультурных регионов [см. Język a tożsamość na pograniczu kultur 2000; Pogranicza Białorusi 2007; Braślawszczyzna 2009; Braślawszczyzna 2011; Русский язык и народная традиция старообрядцев зарубежья 2019]. Одновременно продолжается дискуссия, касающаяся лингво-географического феномена «пограничья» и его физических, ментальных и языковых границ: предлагается рассматривать пограничье как зональный объект («узкое» или «широкое»), отдельно выделять приграничье как объект, который, в отличие от пограничья, находится по обеим сторонам границы [Rykiel 2011: 56–58], определять отдельные микроареалы как трансграничье, подчеркивая их этнокультурное и диалектное единство [Кончевска 2021: 78]. Однако в любом случае очевидно, что центр «пограничных традиций» находится на маргиналиях соседствующих культур, что и следует учитывать

при анализе языкового, фольклорного, этнографического материала, а также при составлении ментальных карт (направление, занимающее все более обширные позиции в этнографии, устной истории, социологии [см., например, Łaszkiwicz 2021]).

В нашем исследовании мы ориентируемся на концепцию польского исследователя М. Щепанского, который выделяет семь основных признаков пограничья:

1. Периферийное расположение пограничного района по отношению к административным и политическим центрам;
2. Чувство собственной культурной самобытности у жителей;
3. Культурное разнообразие групп, проживающих на пограничье, сложившееся в результате многовекового взаимопроникновения культурных традиций разного происхождения;
4. Меняющаяся в ходе времени принадлежность пограничной территории разным государствам, создающая различные системы зависимостей;
5. Различная национальная принадлежность жителей пограничных районов;
6. В ситуации разной национальной принадлежности определяющей для самоидентификации жителей пограничья становится малая родина;
7. Здесь наблюдаются два типа изоляционизма: вертикальный — интеграция составных групп вокруг собственной традиции и горизонтальный — соотнесение себя с ближайшим окружением [Szczepański 2001: 37–38].

В изучении языка и фольклора пограничных ареалов особое внимание должно уделяться языковой личности носителя «пограничной» ментальности. Приступая к полевым исследованиям в зоне проживания восточнославянского населения в Подляшье, мы опирались на опыт предшественников — польских и белорусских коллег, работавших как в Подляшье, так в сопредельных регионах (Гродненщина, Белосточчина) и анализировавших языковые коды, которыми пользуются «люди пограничья». Самовосприятие местного населения как «людей пограничья», живущих в зоне контактов нескольких языков, конфессий и региональных культур, строится на сопоставлении «наш» язык vs польский, белорусский, украинский, русский. Как они сами характеризуют свой язык? «По-своему», «па-просту», «па-польску», «па-беларуску»... [см. Język a tożsamość na pograniczu kultur

2000; Smułkowa 2002; Engelking 2006; Кончевска 2021]. Именно такую формулировку слышали мы в 2020 г. из уст жителей д. Новоберезово Гайновского повета Подляского воеводства: распознав в нас носителей русского языка, наши собеседники поинтересовались, понятно ли нам, когда они говорят «по-простому».

В ходе работы на территории Подляшья информантам умышленно не задавались прямые вопросы относительно их этнической принадлежности, но фиксировались факты самоописания в ходе диалога. В результате очевидно, что наиболее частотным способом описания оказывается характерные для локальной идентичности обозначения *мы, наши, тутэйши*, однако регулярно использовались и расширительные обозначения — *белорусы* и *русские*. Контексты использования этих этнонимов и их чередование в речи одних и тех же информантов позволяют думать, что они употреблялись фактически как синонимы, будучи подчеркнута противопоставлены этнониму *поляки*. При этом лексемы *поляк* и *польский* равно используются для обозначения и этнической, и конфессиональной принадлежности (ср. *польская вера*, когда речь идет о католиках вне зависимости от национальности). Жители обследованных сел Гайновского и Бельского поветов описывают свой собственный говор и говоры соседних деревень через их атрибуцию какому-либо языку, причем дифференциальными признаками оказываются в основном фонетические черты, описываемые «от противного»: у них не так, как у нас, а как в ... языке. Интересно в этом плане рассуждение священника Успенской церкви с. Чижы Гайновского повета, родом из с. Черемха (в 35 км к югу), в котором он, стараясь говорить на русском языке, сопоставлял свой родной говор и говор жителей с. Чижы: *Тут люди гаварат по-своему. Ближе Чэрэмхы, там то уже будут твэрдо гаворіти, ну... уовбрыты ўже будут так, по... по-українску, а тут уже так, мякко, по-беларуску* ([АЛФ]; СИ, 1980 г. р., записано в апреле 2017 г.). Это высказывание — колоритный пример использования «тактильного» регистра для описания «чужого» языка (отметим, что похожие представления о «твердом» и «мягком» локальных вариантах идиша бытуют в регионах славяно-еврейского соседства, о чем еще пойдет речь в нашей книге).

Вместе с тем в белорусских селах Подляшья существует представление об особенностях своего (*местного*) языка, который

противопоставляется как польскому, так и белорусскому / украинскому / русскому. Именно этот язык составляет основу локальной идентичности, и мы неоднократно убеждались, что «маргинальная этничность» на границе двух и более культур и ее воплощение в текстах языка и культуры способствует этнокультурной идентификации.

Как мы смогли убедиться, в ситуации, когда необходимо подчеркнуть свою принадлежность более широкой этнической или конфессиональной группе, используются обозначения *православные, русские, белорусы*, когда же необходимо подчеркнуть свою обособленность, актуализируются факторы локальной культуры, языка и истории. Поэтому не менее интересны наблюдения над развитием конфессиональной ситуации на пограничье, где не только соседствуют представители различных христианских конфессий (ср. «наша» вера vs католическая / польская вера, «наши» обычаи vs польские, белорусские, украинские, русские), но существует также длительный опыт соседства с иноверцами (мусульманами, иудеями). Белорусская поговорка *Няма горшай халеры — у адным ложку две веры* [Brasławszczyzna 2011: 131], зафиксированная на белорусско-польском пограничье на Гродненщине, наглядно передает всю неоднозначность отношений между представителями разных вероисповеданий, живущих бок о бок и придиричиво оценивающих друг друга. По материалам наших экспедиций были опубликованы нарративы о конфессиональных соседях, записанные в Брянской и Псковской областях [«Петух на три области поёт...» 2022: 90–153].

В этой книге представлены некоторые аспекты этнокультурного диалога христиан и евреев, что является продолжением наших исследований языковых и ментальных стереотипов «чужого» в народной традиции [Белова 2015б; Белова 2016б], механизмов языковой стратегии в отношении этноконфессиональных соседей [Белова 2018а] и латентной конфликтности, выраженной не только в нормах поведения, но и в языке [Белова 2017а: 191–196; 2017б]. Изменения этнографической ситуации в «пограничных» регионах привели к тому, что традиционные этнокультурные стереотипы о «чужих» (соседях) подверглись трансформации; зафиксированные представления о языке и обычаях евреев свидетельствуют не только о бытующих по-прежнему мифологемах, связанных с образом «чужака», но о и формировании

новых стереотипов. В изменяющихся условиях стереотип «чужого» из области актуальных верований переходит в категорию «культурного багажа».

Наше исследование проводилось в соответствии с методологией Московской этнолингвистической школы и потому приоритетной для нас стала проблема этнолингвистического изучения языковой и этнокультурной традиции пограничья с опорой на тексты народной культуры, в которых отражается культурная семантика слова и символизм языковых знаков.

Именно поэтому задачей наших экспедиций была фиксация нарративов, обрядов и верований, которые можно было бы определить, как характерные именно для ситуации пограничья — этнокультурного, языкового, конфессионального. Мы также задавались следующими вопросами: какие элементы традиционной культуры можно считать «фольклором пограничья»; порождает ли ситуация пограничья особые фольклорные формы и способствует ли актуализации, переосмыслению, развитию каких-либо отдельных общераспространенных форм именно в этой зоне; как формируются микролокальные комплексы фольклорных сюжетов; как через язык (диалект) раскрывается глубинный смысл архаических верований [см. об этом: Белова 2013д; Белова, Мороз 2019; Белова 2010; Мороз 2015б]. В этом контексте язык (диалект) функционирует как основная форма консервации традиции, сохраняя лексику и фразеологию народной культуры в качестве яркого маркера «своего» и «чужого». Мы постарались показать это на примере колоритных ритуалов, бытовавших и бытующих на белорусско-русском пограничье (обряд «Свеча», приуроченное к Вознесению паломничество богомолков-«авдоток» к культовым местам Смоленска). Предметом особого внимания стали лексика и фразеология регионального народного календаря и мифологическая лексика в локальных и микролокальных традициях. Заслуживает внимания также такое явление, как заложенная в некоторых обрядовых текстах «векторность» (мотивы движения к границе, пересечения границы и т. п.), выраженная средствами языка; мы уже рассматривали это явление на примере топонимической лексики обряда изгнания зимы, бытовавшего на белорусско-украинском пограничье [Белова 2023].

Язык народной культуры есть совокупность вербальных и невербальных элементов, то есть единый текст, в котором

органично сочетаются слово и ритуал. Говоря о языке народной культуры на перекрестках традиций, следует отметить такую его особенность, как наличие метаязыковой рефлексии, которая становится значимым элементом устойчивых бытовых нарративов и фольклорных произведений: присловий, шутливых поговорок, «лингвистических» частушек, метаязыковых загадок, бытовых и анекдотических сказок, где несовпадение языковых кодов может выступать не только как поэтический прием, но и как сюжеттообразующий мотив. Совокупность языковых фактов (фонетических, лексических, грамматических), характерных для той или иной микролокальной традиции, позволяет определять ее как особый «местный» язык (ср. выше о «местном» языке Подляшья).

Одна из главных тем, представленных в книге, — это соотношение устной и письменной (книжной, рукописной) традиций в многоязычной и поликонфессиональной среде, для которой язык конфессии, язык литургический становится одним из основных факторов формирования и поддержки этнокультурной (само)идентификации. Именно поэтому авторы обратили пристальное внимание на специфику использования литургического языка в устном дискурсе (на примерах использования религиозной лексики в славянских фольклорных и фольклоризованных текстах, ситуативной смены языковых регистров, а также фонетической и лексической трансформации элементов церковнославянского языка в устных и письменных народных религиозных текстах). Можно констатировать, что за счет письменной фиксации религиозных текстов и эпиграфики на местном наречии происходит консервация письменных форм местного языка. Одновременно имеет место частичное размывание устной традиции (в том числе за счет усилий культурработников из метрополии) — местные жители неоднократно рассказывали о том, как приезжающие из Белоруссии и Украины деятели культуры пытались научить их песням на «правильном языке». Таким образом, в современных условиях устная форма бытования языка становится более проницаемой для языковых элементов метрополии.

Материалы раздела, посвященного традициям мемориальной эпиграфики и практикам коммеморации православного населения Подляшья, наглядно показывают, как языковой и конфессиональные факторы становятся основными маркерами этнической самоидентификации, выраженной через письменно слово; как

уживаются в сознании носителей традиции разные языковые системы (восточнославянская диалектная, польская, церковнославянская), как диалектный язык приспособляется к письменным жанрам надгробной эпитафии.

С привлечением данных, полученных в ходе экспедиций в Подляское воеводство Польши в районы компактного проживания восточнославянского православного населения (2017–2020), описана уникальная ситуация использования местного диалектного языка и кириллической графической системы в похоронно-поминальной обрядности и практиках коммеморации.

По словам польского исследователя М. Дембицкого, изучавшего языковые и социальные процессы на польско-словацком пограничье, именно на стыке культурных традиций формируются общенациональные представления об этнических соседях [Debiński 2013: 27–28], которые затем распространяются в метрополию. При этом тесные контакты не означают лучшего или большего знания о соседе, поскольку сочетают в себе объективную информацию и мифологизированное знание, передающееся из поколения в поколение.

Итак, характеризуя этнокультурное пограничье, отметим, что речь может идти об особом типе культуры, локализованном на стыке нескольких традиций и демонстрирующем здесь все богатство, комплексность, сложность, мозаичность — как в сфере языка, так и в области народных обычаев и верований. Некоторые аспекты бытования устного и письменного слова в пространстве этнокультурного пограничья мы постарались осветить в этой книге.

Большая часть материалов, положенных в основу коллективной монографии, была собрана в время экспедиций в различные регионы России, Беларуси, Молдовы, Польши, Украины. Авторы выражают сердечную признательность всем нашим собеседникам, которые делились с нами рассказами о жизни и местной истории, рассуждениями об особенностях местного наречия и размышлениями о своеобразии локальной традиции (список информантов приводится в конце книги, шифры информантов даны в соответствии с базами данных АЛФ и ФА ВШЭ). Мы благодарим всех коллег по экспедициям за помощь в работе и ценные

консультации. Неисчерпаемым источником ценных сведений стали для нас фольклорно-этнолингвистические архивы академических институтов и высших учебных заведений, а также региональные архивы, в которых мы намерены продолжать изыскательскую работу (см. список сокращений фондов в конце книги).

Предлагаемая читателям книга — это только первые результаты нашей работы на этнокультурном пограничье. Авторский коллектив исполнен надежд на продолжение этой работы, на новые открытия в регионах, которые мы полюбили за годы исследований и куда хотели бы вновь вернуться.

О. В. Белова, А. Б. Мороз, М. В. Ясинская